

ЛЕСНАЯ СТАРУХА

Алтайская народная
сказка

Издательство

"Юч-Сюмер"

ам, где светлый ключ не умолкая щебечет, где молодые лиственницы нежно зеленеют, где две кукушки звонко кукуют, кому долгую жизнь обещая, кому близкую кончину предсказывая, жили в ветхом аиле пожелтевшие, словно дымом прокопчённые, старик и старуха.

Детей своих они вырастили, сыновей на дальние кочевья благословили, дочерей замуж выдали, сами вдвоём здесь остались. Ни сундуков с добром, ни табунов, ни рогатого скота у них не было. Всё хозяйство – одна безрогая корова.

Старуха с весны в лес уходила, палкой землю ковыряла, корни кандыка и луковицы лилии – саранки в мешок собирала, потом сушила их всё лето, а зимой в молоке варила, тем и питались. А старик жил без заботы – трубку курил да кукушек слушал.

Вот однажды он и говорит своей старухе:

– Сегодня кукушки нам близкую смерть накуковали. Давай заколем корову, хоть перед смертью мяса поедим.

Старуха заплакала, руками всплеснула:
– И не стыдно тебе, старик? Сколько лет молоком этой коровы мы сыты, а ты что надумал?

Но старик свою старуху не послушал, сделал по-своему.

Рассердилась старуха и ушла, старика покинула.

Шагала по холмам, по долинам, большие реки мелкими бродами переходила, через ручьи мостки перебрасывала. На горные перевалы поднималась, вниз спускалась и пришла в тайгу, где между деревьями на полянах и по склонам гор паслись дикие теке-козлы и бурые маралы.

Старуха ласково зверям улыбнулась, протяжную горловую песню запела, и дикие звери к старухе подошли. Горным диким козлам она руку на спину кладёт, пугливых маралов гладит, кабаргу за ушами чешет, со зверями, как с людьми, беседует.

Дикие вольные звери ушами шевелят, слушают, будто речи старухи понимают, спокойными глазами на неё глядят.

И осталась старуха жить в тайге. Топором она поработала, жердей припасла, кору с лиственницы ободрала, поставила себе аил. На огне сушила, в дыму

коптила твёрдый вкусный сыр – курут.

Хорошо, славно жила старуха, кожа на лице у неё стала гладкая. Однако старика своего она не забыла, думает: «Жив он или умер? Может, голодный, в холодном аиле своём один сидит?»

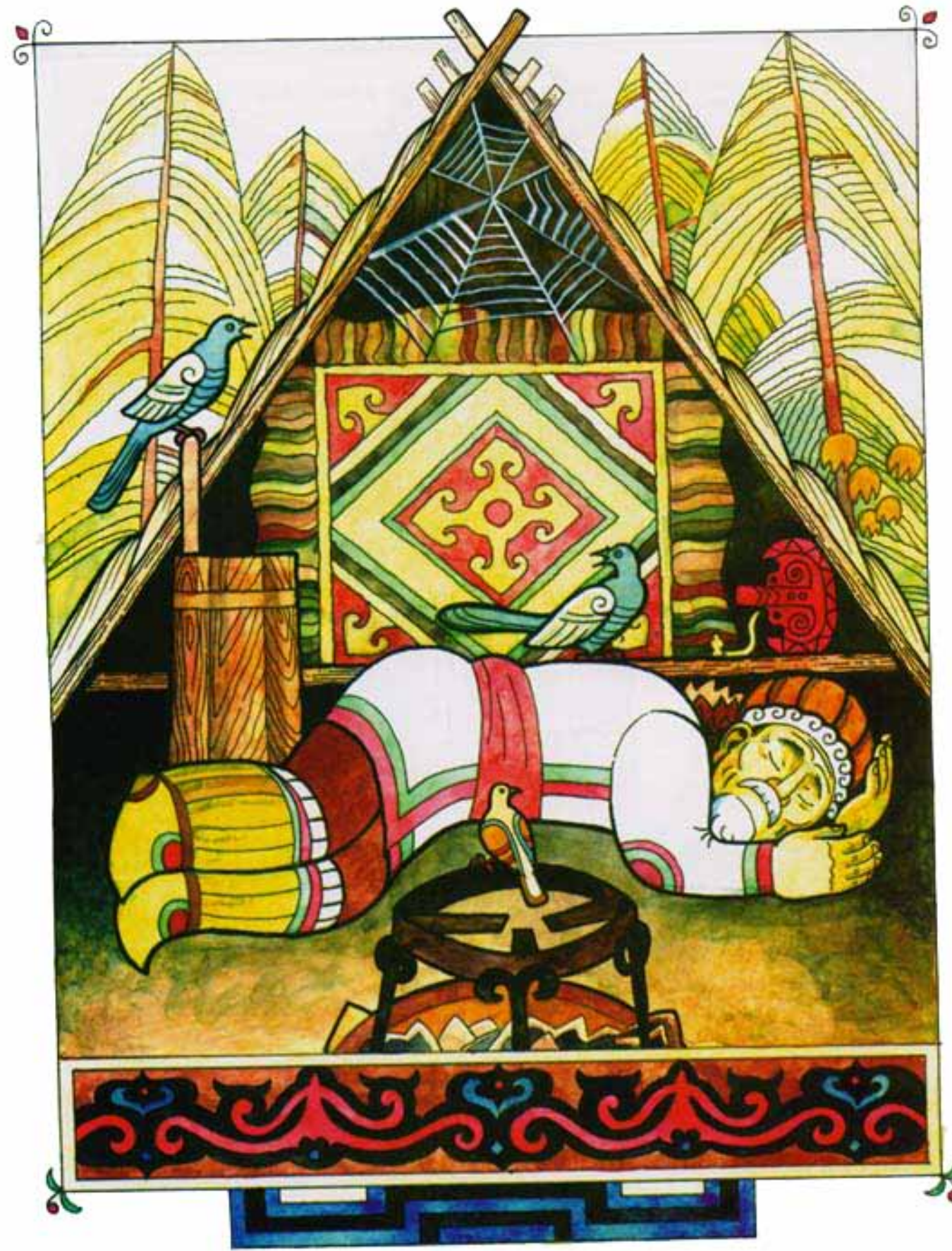
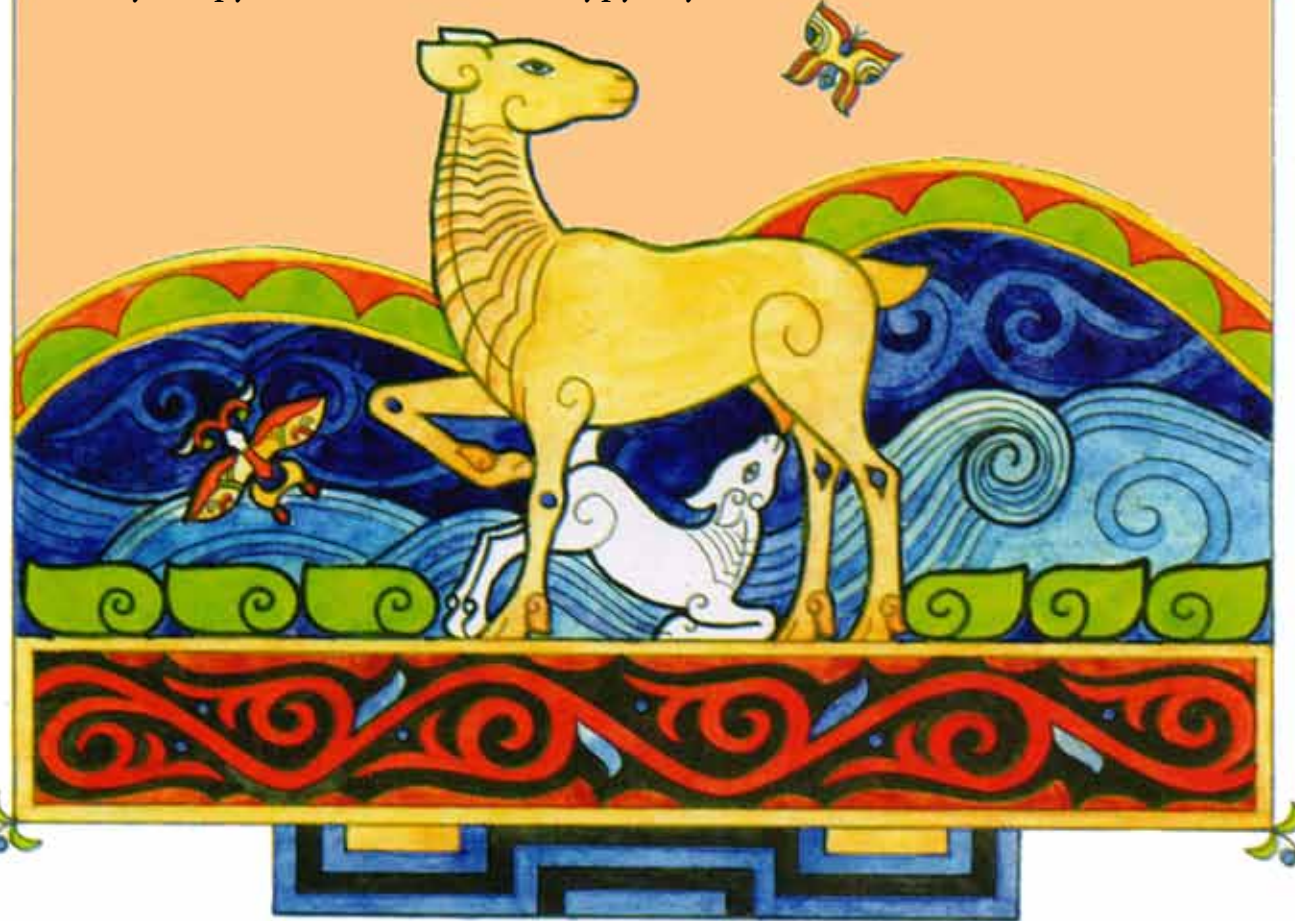
Вот положила она арчи в мешок да ещё масла в куук – пузырь налила, нанизала две связки курута, взяла деревянный костыль и пошла навестить старика.

Когда к своему старому аилу подошла, заплакала, больно ветхим стал аил. Вытерла слёзы. Заглянула в щёлку и увидела: чёрный, худой старик сидит у потухшего очага и бормочет: «От голода я совсем оглох, не слышу, что кукушки мне кукуют, жизнь обещают или о смерти говорят. Вот съем последний кусок и лягу умирать».

Сквозь слёзы улыбнулась старуха, взяла пузырь с маслом и кинула его в дымоход. А сама опять смотрит в щёлку.

Старик поднял с земли пузырь, поел масла, повеселел: «Должно быть, кукушки добро мне обещали, надо шапку снять, послушать». Снял шапку, и ему прямо на голову мешок с арчи упал. «О-о, спасибо, мои кукушки» – обрадовался старик. Арчи поел и совсем ободрился.

А тут вдруг ещё и две связки курута упали к его ногам. «О-о, милые мои

кукушки! Будьте вы всегда сытые, будьте, как овцы, жирные, спасибо вам!» – благословлял старик кукушек.

Старуха громко засмеялась, вошла в аил и спрашивает:

– Ну, как ты тут поживаешь, мой богатый?

– Хорошо живу! Когда еды не стало, мне кукушки накуковали масла, арчи и курут.

– Эх ты, кукушкам молился! Не кукушки это, а я своими руками тебе пищу припасла, сюда принести не поленилась.

– Спасибо, спасибо! Теперь я не расстанусь с вами, моя старуха! Куда вы пойдёте, туда и я. Не бросайте меня – умолял старик.

Пожалела старуха своего чёрного старика.

– Ладно, – говорит, – возьму тебя к себе, только поклянись, что будешь всегда меня слушаться.

– Солнцем клянусь, что скажете, исполню, спорить не посмею.

Долго ли, коротко ли, пришли наконец к старухиному аилу. Прибежали звери, языком шубу старухи вычистили, боками об аил потёрлись.

– Слушай, старик, – молвила старуха, – никогда в этой тайге не ставь на зверей капкан, стрелой в зверей не смей целиться, копыта в руки не бери.

И стали они жить в тайге. Старуха кандык копала, диких коз, маралух доила, молоко квасила, пищу готовила.

Вот однажды, когда старуха взяла два ведра и пошла доить диких зверей, старик срезал ветку, завязал концы, получился у него лук. Выстрогал старик и стрелу. Взял этот лук со стрелой и пошёл дичи поискать, пострелять.

На вершине кедра сидел чёрный ворон величиной с телёнка. Прицелился старик, метко, как молодой, стрелу пустил. Попала стрела ворону в грудь, но ворон так и остался сидеть невредим. Вынул клювом стрелу, переломил её, бросил, сказал «карр-карр» и улетел. Отозвались ворону маралы и козлы, кабарга и дзерены, и побежали все звери.

Шла старуха с полными подойниками молока. Увидела убегающих зверей, закричала: «Вернитесь! Вернитесь!». Долго кричала, молоком вслед брызгала, плакала, а потом и подойники вдогонку швырнула. Но звери не вернулись. Упала старуха лицом вниз, заплакала, слезами своими землю оросила. Где старуха плакала – живой родник из земли пробился.

От молока, которое старуха плеснула зверям вслед, осталось у маралов, козлов и дзеренов вокруг хвоста белое пятно.

А старика ни люди, ни звери больше никогда не видели, о нём ничего и мы не слышали.

